

Симон последовал за ним наверх, возможность выпить чашку горячего кофе придала ему прыти. Якоб Шреефогль впервые изведal вкус этого новомодного напитка не без участия лекаря. В первый раз Симон купил коричневые зерна у арабского купца около двух лет назад и с тех пор жить не мог без кофе. А вот теперь заразил этой страстью и молодого дворянина. Вместе они устраивали в его библиотеке целые кофейные вакханалии и после третьего котелка могли взяться даже за скучнейшие работы таких богословов, как Иоанн Дамаскин или Петр Ломбардский.

Симон вошел в библиотеку и огляделся вокруг. В углу пылала небольшая чугунная печка, вдоль обшитых досками стен высились полки вишневого дерева. На них плотными рядами стояли книги. Якоб Шреефогль был человеком зажиточным. Стараниями его отца их обычная гончарная мастерская стала теперь лучшим в регионе предприятием по производству керамики. После смерти отца Шреефогль-младший немалую часть сбережений вкладывал в угоду своему большому пристрастию – коллекционированию книг. И делился этой коллекцией с лекарем.

Дворянин предложил ему сесть и наполнил чашки дымящимся кофе. Шреефогль отличался высоким ростом, и, как у всех его предков, у него был острый с горбинкой нос, который теперь чуть ли не окунался в чашку. Пока пили кофе, Симон расспрашивал, как прошло сегодняшнее собрание совета. Он знал, что на повестке дня стояли очень важные вопросы.

– Ну что? Решили, как быть с этой шайкой головорезов?

Молодой советник серьезно кивнул:

– Мы снарядим отряд и отправим его на поиски разбойников.

– Один раз вы его уже отправляли, – заметил Симон.

– Знаю-знаю, – вздохнул Шреефогль. – Но в этот раз нужно все продумать, и во главе отряда следует поставить бывалого человека. Мы все никак не решим, кого можно назначить.

Симон кивнул. Дело, действительно, было слишком серьезным, чтобы доверять его нескольким пропитым стражникам. Шайка грабителей уже несколько недель будоражила всю округу. От их нападений успели пострадать двое зажиточных крестьян и торговцев. Торговца разбойники убили, крестьянам все же удалось бежать. Они сообщали, что в банде насчитывалось не меньше дюжины мужчин, некоторые вооружены арбалетами, а у кого-то были даже мушкеты. Нешуточная угроза – если не для города, то для округи уж точно.

– Если мерзавцев не удастся поймать в ближайшее время, то придется посылать за помощью в Мюнхен и просить солдат! – Шреефогль тихо ругнулся и подул на горячий кофе. – Но совет хочет избежать этого всеми силами. Солдаты, как вы знаете, стоят денег, – он подмигнул. – Но хватит уже о политике. Она меня угнетает. Вы ведь пришли, верно, по другому делу.

– Точно, – ответил Симон. – Я ищу книгу, а вернее, изречение, которое, как мне помнится, я вычитал в вашей книге.

– Значит, книга, – Шреефогль улыбнулся. – Рад, что моя библиотека может послужить таким подспорьем. Что ж, как звучит ваше изречение?

– *Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam*, – повторил Симон по памяти.

Шреефогль замер.

– Откуда вы это вычитали?

– В церкви Святого Лоренца, в Альтенштадте.

– Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему ниспошли славу, – пробормотал Шреефогль, и поперек лба его пролегла морщина. – Занятно. Насколько я знаю, это лозунг тамплиеров.

Симон закашлялся, подавившись кофе.

– Тамплиеров? – переспросил он наконец.

Шреефогль кивнул:

– С этими словами они шли в битву.

Советник вдруг наморщил лоб, словно о чем-то вспоминал. Потом резко поднялся и прошел к одной из полок возле печи.

– Я понял, что за работу вы имели в виду!

Он поискал немного и показал небольшую, с ладонь величиной, книжицу в кожаном переплете.

– Вот! – воскликнул он и протянул книжку Симону. – Трактат Вильгельма фон Зеллинга. *Ordinis Templorum Historia*¹. Старинный, редкий экземпляр. Зеллинг был английским монахом-бенедиктинцем, который, в отличие от церкви, хотел уберечь тамплиеров от забвения. Потому и

¹ История ордена тамплиеров (лат.).

написал эту книгу лет двести назад. Правда, и тогда от храмовников уже сто лет как остались одни лишь воспоминания.

Симон кивнул и принялся листать потрепанный томик. Многие страницы разбухли от влажности, некоторые местами прожгли, а какие-то, по всей видимости, и вовсе вырвали. Книга была написана от руки на латинском языке, заглавные буквы витиевато украшены. И она, судя по состоянию, успела за свою долгую жизнь многого натерпеться.

– В тот раз я лишь пробежался по ней, – сказал Симон. – Но эта фраза запала мне в память. Расскажите мне об этих... тамплиерах.

Шреефогль снова сел и глотнул кофе. Он заговорил лишь через некоторое время. За окном свирепствовала метель.

– Полное их название несколько длиннее и звучит как «Бедные рыцари Христа и Храма Соломона». Многое из того, что мы о них знаем, больше похоже на вымысел, – Шреефогль поудобнее устроился в кресле. – Но общеизвестно, что тамплиеры создали богатейшее и могущественнейшее объединение, которое когда-либо видел свет. Вначале это был небольшой рыцарский орден, в их задачи входило защищать паломников на пути в Иерусалим. Эдакая смесь рыцарских идеалов и монашеского аскетизма. Но благодаря умелому руководству и богатым покровителям всего за несколько десятилетий тамплиеры распространились по всей Европе, и всюду основывали свои командорства. Любой желающий, например, в Кельне, мог обменять золото на грамоты и по прибытии в Иерусалим или Византию снова их обналечить. Орден подчинялся одному лишь Папе, а потому был практически неприкосновенен. Благодаря умелой финансовой политике тамплиеры со временем становились богаче королей и императоров. Собственно, это их в конце концов и погубило...

– Что с ними стало? – с любопытством спросил Симон и налил себе еще кофе.

– Ну, все как обычно, – Шреефогль, словно извиняясь, развел руками. – Французский король Филипп IV позарился на их деньги. Он спланировал операцию, и за одну ночь ему удалось схватить всех тамплиеров во Франции. Им предъявили обвинение в разврате и поклонении дьяволу, подкупили свидетелей и пытками добились необходимых признаний. В итоге от тамплиеров отвернулась даже церковь, папа не смог более их поддерживать и в конце концов бросил. Последнего магистра, насколько я знаю, сожгли на костре в Париже. Всего за пару лет самые могущественные люди Европы превратились в беспомощных изгнанников. Тамплиеров преследовали и убивали, если до этого им не удавалось скрыться. И это после того, как они два столетия вершили судьбы Европы.

– А что с деньгами? – спросил Симон. – Французский король все прикарманил?

Шреефогль усмехнулся.

– Лишь небольшую часть. Остальное до сих пор так и не найдено. Золото, драгоценности, реликвии... Говорят, тамплиеры их где-то спрятали. Кто-то считает, что они переправили их в Новый Свет. Другие полагают, что сокровища где-то на Святой земле или Британских островах. Тот, кто их найдет, сможет купить себе любую корону мира.

Симон присвистнул сквозь зубы.

– И почему я об этом раньше никогда не слышал?

Шреефогль зашелся в очередном приступе кашля, прежде чем сумел ответить.

– Потому что церковь не хотела, чтобы раскрылось ее участие в этом деле. Высшая знать тоже помалкивала, присвоив себе земли тамплиеров. Лишь немногие, такие как Вильгельм фон Зеллинг, нарушили молчание.

Лекарь кивнул.

– Но это все равно не объясняет, откуда лозунг тамплиеров взялся в церкви Святого Лоренца.

Шреефогль задумался.

– Я как-то слышал, что та церковь некогда принадлежала тамплиерам, – сказал он наконец.

– Тамплиеры? В Альтенштадте? – Симон чуть снова не подавился.

– Да. А почему нет? – Шреефогль пожал плечами. – У них повсюду были командорства. В Альтенштадте ведь есть даже Тамплиерская улица, разве не так?

– А ведь вы правы! – воскликнул Симон. – Узенькая улочка, прямо перед мостом через Шенах. Странно... Раньше я никогда не задумывался, почему она так называется.

– Вот видите. Но пастор в базилике Альтенштадта наверняка сможет рассказать вам больше. Все-таки хоть какие-то записи должны быть и об этой церквушке. Если не в ней самой, то в базилике Святого Михаила что-нибудь да найдется. Еще кофе?

Симон поднялся и протянул Шреефоглю руку.

– Благодарю вас. Но мне, думаю, нужно к отцу. Снова эти скучные осмотры, кровопускания, кашли, лихорадки – все как обычно. Хотя вы очень мне помогли... – Он помедлил. – И можно еще кое о чем попросить?

Дворянин кивнул.

– Разумеется.

Симон указал на книжку в кожаном переплете, лежавшую на столе.

– Эта книга о тамплиерах. Можете одолжить мне ее на время?

– Охотно. Но осторожнее с ней, я ей очень дорожу.

Симон схватил книгу и направился к двери. Он некоторое время постоял у порога, а потом снова развернулся.

– Есть еще одна фраза, и она тоже меня загнала в тупик. Речь в ней идет о двух свидетелях и звере, который нападает на них и в конце убивает. Вы, случайно, ничего такого не слышали?

Шреефогль ненадолго задумался, а затем покачал головой.

– Что-то такое я где-то слышал, а вот что именно, при всем желании вспомнить не могу. Очень жаль. Может, потом мне удастся что-нибудь выяснить... – Он с сомнением посмотрел на лекаря. – Уж не ввязались ли вы вместе с палачом в очередную авантюру? Ради всего святого, будьте осторожны!

Симон ухмыльнулся.

– Я приложу все усилия. В любом случае дайте мне знать, если вдруг что-то вспомните.

Он коротко поклонился и, прижимая к себе книгу, сбежал вниз по лестнице. Шреефогль встал у окна и смотрел, как лекарь пересек рыночную площадь и скрылся в метели.

Каменщик Петер Баумгартнер стоял, обнаженный по пояс, посреди общей комнаты в доме палача и старался не запачкать от страха штаны. В окно, обтянутое свиным пузырем, задувал ледяной ветер, но, несмотря на холод, по лбу Петера струился пот. Он все раздумывал: может быть, ему следовало раскошелиться еще на несколько крейцеров и вместо палача отправиться к лекарю? Или вообще ни к кому не ходить... Остался бы лучше дома, а молитва и стакан крепкого вина помогли бы унять боль. И тогда с одной лишь Божьей помощью плечо исцелилось бы... Но теперь было слишком поздно.

На столе перед ним лежали всевозможные инструменты, и Петер не мог сказать точно, предназначались ли они для медицинских целей или для пыток. Длинные щипцы, видимо, чтобы выдирать зубы; ножи самых разных форм и размеров, отточенные до яркого блеска; маленькая ручная пила, на которой виднелось несколько ржаво-красных пятен. Пятна засохшей крови, Петер в этом не сомневался.

Но вот чего Баумгартнер боялся больше всего, так это вида огромного палача прямо перед собой. Он окунал ручки в горшок с белой жироподобной кашицей и тщательно натирал ей ладони.

– Это... человеческий жир? – просипел каменщик.

Как Баумгартнер ни старался, голос у него немного дрожал. Он знал, что палач снимал кожу с трупов казненных и аккуратно соскребал с нее жир. Из него он готовил мазь, которая, по словам других, творила настоящие чудеса. Петер и сам охотно верил в чудеса, но при мысли, что его сейчас будут мазать склизкими останками какого-то грешника, в животе у него холодело.

– Пес ты паршивый, неужели решил, что я стану тратить хороший человеческий жир на такого, как ты? – проворчал Куизль, не поднимая взгляда. – Это медвежий жир, смешанный с арникой, ромашкой и другими травами. Ты все равно о них никогда не слышал. А теперь иди сюда, сейчас придется немного потерпеть.

– Куизль, уж ладно... я тут подумал, лучше мне пойти к старому Фронвизеру... – промямлил Баумгартнер при виде намазанных жиром ладоней величиной с тарелку.

– И отдашь два гульдена, чтобы рука потом на всю жизнь отсохла... Не валяй дурака и иди сюда.

Баумгартнер вздохнул. Неделю назад он свалился с подмостков в церкви Святого Лоренца. С тех пор плечо у него пошло цветистыми пятнами, а в правой руке до самой ладони пульсировала такая боль, что Петер не мог в ней даже ложку держать. Он долго не решался идти к палачу, но страх, что рука вообще может отказаться, пересилил. Поэтому он собрал все скопленные деньги и сегодня днем явился в Шонгау. Об умениях Куизля как целителя знали далеко за пределами города. Попытками и казнями, как и все палачи, он зарабатывал лишь малую часть своих денег – за

год набиралась очень незначительная сумма. Основной доход Якоб получал врачеванием и продажей мазей, пилюль и настоек. Кроме того, у него можно было купить большой палец вора или кусок веревки, на которой этого вора повесили. Если положить засушенный палец в кошелек, то он уберегал владельца от возможных краж. Разумеется, при том лишь условии, что кошелек ежедневно окропляют святой водой и усердно верят в чудо. Куизль не верил, но зарабатывал на этом неплохо.

Баумгартнер, как и многие другие, побывавшие у палача до него, разрывался между страхом и надеждой. Все знали: если лечить тебя брался Якоб Куизль, значит, с большой долей вероятности ты поправишься или, по крайней мере, не выйдешь от него в еще худшем состоянии. Чего нельзя сказать об ученых лекарях. С другой стороны, Куизль все-таки был палачом. Один лишь взгляд на него сулил несчастье, а заговаривать с ним было грешно. И если на ближайшей исповеди Баумгартнер расскажет о сегодняшнем посещении, придется ему сотню раз прочесть «Отче наш».

– Идем уже, чтоб тебя! Или я тебе второе плечо выверну.

Куизль протянул вымазанные жиром руки к приземистому каменщику. Баумгартнер обреченно кивнул, перекрестился и шагнул вперед. Палач развернул его к себе спиной, ощупал его распухшее плечо, а потом вдруг схватил за руку и дернул назад и резко вниз. Послышался хруст.

Рев услышали, наверное, даже на рыночной площади.

У Петера потемнело в глазах, его чуть не вырвало, и он в оцепенении плюхнулся на скамейку возле стола. Каменщик собрался уже разразиться отборной бранью, но взгляд его опустился к правой руке.

Он снова мог ею двигать!

И боль в плече, кажется, начала стихать. Куизль сунул ему под нос деревянный горшочек.

– Скажешь жене, чтобы всю неделю втирала тебе в плечо трижды в день. Через две недели снова сможешь работать. С тебя один гульден.

Радость Баумгартнера мигом улетучилась.

– Гульден? – просипел он. – Проклятье, да столько не взял бы даже старый Фронвизер. А он, между прочим, обучался!

– Ну да, он бы пустил тебе кровь и отправил домой. А через три недели оттяпал бы тебе руку за три гульдена. Именно этому он и обучался.

Баумгартнер задумчиво ощупал правую руку. Похоже, и вправду здорова! Все же он принялся торговаться.

– Значит, гульден? Столько даже мельник не заработает за день. Сойдемся на половине, и дело с концом.

– Сойдемся на гульдене, и я не выкручу тебе второе плечо.

Баумгартнер сдался. Он со вздохом полез в кошелек, отсчитал монеты и аккуратно разложил их на столе. Палач сгреб половину, а остальное пододвинул обратно к Петеру.

– Я так подумал, хватит и половины гульдена, – сказал он. – Если ты мне за это кое-что расскажешь.

Баумгартнер удивленно уставился на него, однако поспешил спрятать монеты обратно в кошелек.

– Ну и что рассказать?

– Ты ведь работаешь сейчас в церкви Святого Лоренца, так?

– Верно, – ответил Баумгартнер. – Там я и свалился с этих проклятых подмостков.

Куизль достал мешочек с табаком и принялся старательно набивать трубку.

– И что вы там вообще строите? – спросил он.

– Ну... мы там, в общем-то, ничего и не строим, – неуверенно ответил Баумгартнер.

Он зачарованно наблюдал, как палач набивал трубку. Мода на курение появилась сравнительно недавно, и каменщик, кроме Куизля, не знал больше никого, кто предавался бы этому пристрастию. К тому же на одной из последних проповедей пастор Шонгау назвал эту привычку порочной.

– Мы ее только обновляем, – продолжил наконец Баумгартнер. – Внешние и внутренние стены, всю галерею. Иначе она когда-нибудь рухнула бы. Церкви ни много ни мало пять сотен лет.

– А пока вы там обновляли, вам ничего не попадалось? – поинтересовался Куизль. – Надписи, фигуры, старинные рисунки?

У каменщика просияло лицо.

– Кое-что и вправду было! Вверху, на галерее, по стене были какие-то кресты. Красные кресты по всей левой стене.

– Как эти кресты выглядели?

– Ну-у... не такие, как наш святой крест. Эти были как-то... Можно?

Баумгартнер указал на один из ножей на столе. Палач кивнул, и каменщик нацарапал в углу стола равносторонний крест, поперечины которого постепенно сужались к середине. Закончив, удовлетворенно кивнул.

– Вот такие они были.

– И что вы с ними сделали? – спросил Куизль.

– Будете смеяться. Пастор велел нам их закрасить. Он тогда как раз все возился с тем подвалом.

– Подвалом? – По лбу палача пролегла морщина.

– Да, когда укладывали плитки, Йоханнес Штайнер в Новый год обнаружил под одной из надгробных плит пустоту. Тогда мы сдвинули плиту в сторону... только втроем и управились с этой громадиной... так вот, там был подвал.

Куизль кивнул и поджег набитую трубку от тлеющей лучины. Баумгартнер наблюдал за ним с неослабевающим любопытством.

– А вы в этот подвал спускались? – спросил палач и выпустил облако дыма.

– Нет... внизу был только пастор. И сразу же сам не свой поднялся обратно. И на следующий день опять спускался; тогда-то и велел нам кресты замазать. Мы и послушались.

Палач задумчиво покивал.

– А точно никто из вас туда не спускался? – спросил он еще раз.

– Нет, Господь свидетель! – воскликнул Баумгартнер. – Чего же там такого важного?

Куизль встал и прошел к двери.

– Забудь. Можешь идти.

Петер облегченно поднялся. Он понятия не имел, к чему были все эти расспросы, но, по крайней мере, удалось сэкономить таким образом полгульдена. Кроме того, каменщик хотел поскорее покинуть этот дом, где буквально в каждом углу усматривал что-нибудь скверное. Однако один вопрос не давал ему покоя.

– Куизль...

– Чего тебе?

– Какой он на вкус, этот табак? Пахнет, ну... вроде как недурно.

Куизль выпустил густое облако дыма, и лицо его полностью пропало из виду.

– Лучше и не начинай никогда, – прозвучал его голос в клубах дыма. – Это как с выпивкой.

Вроде и приятно, а остановиться уже невозможно.